

Марк Розовский, художественный руководитель московского Театра «У Никитских ворот», всегда отличался недюжинной творческой активностью. Каждый год он выпускает большое количество премьер, откликаясь на события социального и художественного мира собственными постановками. Постановками совершенно разными, но тонко связанными между собой. Ведь за ними стоит один и тот же человек. Чуть-чуть побольше об этом человеке и его существовании в современном театральном пространстве, а, следовательно, и о его творчестве, мы решили узнать из первых уст.

- Марк Григорьевич, вы родились в 1937 году, году, в котором соединилась большая история и личная биография. Какое значение для вашей жизни имеет эта дата?

- 37-й год для меня - начало безотцовщины, потому что мой отец был арестован, когда мне было 6 месяцев. И реабилитирован он был только через 18 лет. Все это было в Петропавловске на Камчатке. Но, когда мне был годик, меня бабушка отвезла в Москву, потому что мама осталась одна. И мама и папа были инженеры-строители, поэтому мама продолжала работать там на стройке, а отец сидел. Но 37-й год... Эта судьба была отнюдь не только моя. Миллионы людей разделили подобную судьбу.

- В прошлом году вы поставили спектакль «Когда ты будешь (дневник Нины Костериной)», напрямую связанный с теми годами. Расскажите о нем.

- У героини спектакля, Нины Костериной, была судьба, сходная с моей. Правда, она была уже взрослая девочка, в отличие от меня, годовалого ребенка. Она погибла за Родину в декабре 1941 года, в самом начале войны. Но оставила после себя дневник. Еще до XX съезда она поняла, что творится великая несправедливость. Ее отец, большевик, революционер, был посажен Сталиным в тюрьму. И она понимала, что творится нечто страшное, ужасное. Поэтому что она прекрасно знала своего отца и понимала, сколь он был предан чистым

Марк РОЗОВСКИЙ:

Тяжеловесность и угрюмость — заклятые враги

идеям революции. В революцию ведь были вовлечены не только карьеристы и подонки, не только насильники и мерзавцы. Идея переустройства мира, сделать мир справедливым, идея Французской революции, братство, равенство, свобода - эти идеи не воспринимались в тот момент как утопические. Поэтому масса людей пошла за большевиками, поверив им. И это время нуждается сегодня в осмыслении. Между тем память короткая, воспитание довольно часто отсутствует, в душах оказываются пустоты. И в эти пустые души заполняет фашизм, национал-большевизм. В пустоте души возникают черноты души. И это проблема уже нынешнего поколения.

- Ваши спектакли в какой-то степени противодействие! Например, премьера «Носороги».

- Я надеюсь, что так. Я делаю спектакли, рассчитывая на понимание, на историческое мышление и надеюсь, что люди прочтут метафору, скажем, в тех же «Носорогах». «Носороги» - это пьеса-предупреждение, пьеса, объясняющая, откуда возникает фашизм, тоталитаризм. Он возникает из коллективной истории, из стадности. Если человек теряет свою личность, становится похожим на других, тогда и возникает «онороживание» общества. К сожалению, это актуально и сегодня.

- Две последние премьеры - «VIVA, Парфюм» и «Носороги» - внутренне связаны между собой?

- Жанры этих спектаклей очень разные. Но в «VIVA, Парфюм» тоже исследуется человеческая личность и право на насилие. Главный герой «Парфюма» - это некий герой, который сумел соединить это свое качество со злодейством. Это еще пушкинская тема. Здесь важно понимание греха. Потому что всякое насилие - грех. Наш герой не ощущает себя грешником, а ощущает себя гением. В некоторых рецензиях неосторожные критики называют его маньяком. Он отнюдь не маньяк, наоборот. Он совершает свои убийства, не понимая греховности своих поступков. В этом драма человека, который, с одной стороны, одарен, с другой стороны абсолютно аморален.

- Сколько вообще в репертуаре театра спектаклей!

- К сожалению, наш репертуар выглядит сейчас чрезвычайно перегруженным. Более тридцати названий. Некоторые играют раз в месяц, а некоторые - раз в два месяца. Это происходит потому, что мы переживаем важный этап жизни нашего театра. Строится новое помещение по соседству с нашим маленьким залом. И моя задача сберечь репертуар для того момента, когда мы перейдем в новое помещение и будем играть на двух сценах. Но это крайне сложно. Если не играть, то спектакль задыхается и умирает. Но публика ждет этот спектакль, он еще живой, мы готовы его играть, жалко его уничтожать преждевременно. С другой стороны, в репертуаре есть несколько спектаклей-долгожителей, которые идут 10, 15, даже 20 лет. Их тоже нельзя уничтожать, потому что они живые.

- Как определить, что спектакль живой! Ведь он может играть, но быть уже мертвым.

- Прежде всего зритель голосует ногами. Если в зале аншлаг, это первый признак того, что спектакль и театр вызывает интерес. Хотя это отнюдь не единственный признак, это внешний признак. Главное - актуальность темы, прекрасная нехалтурная игра актеров, выстроенность режиссерского решения. Все это способствует тому, чтобы спектакль сохранялся долго. Наше искусство вообще, говорю об этом с некоторой горечью, мимолетно. Только что был акт этого искусства, но спектакль кончился, и началась другая жизнь.

- Почему так происходит!

- Сказывается общее бескультурье нашего общества. С этим сталкиваемся всюду. Не мной сказано, происходит некоторая «дебилизация» нашего общества. Это факт. Речь идет об отсутствии культурной политики. Что показывают по телевидению, сегодня чудовищная незаполненность душевного и духовного пространства. Молодые люди погрязли в массовой культуре, в попсе. Книга замещается Интернетом. Когда заглядываешь в Интернет, там много прекрасного, но и того, что я называю «свалка гра-

фомании», очень много хамства. Все это знаки состояния сегодняшнего общества. Отсутствие мирознания, отсутствие культуры сказывается. Среди национальных проектов, которые сегодня государством проводятся как приоритетные, культура отсутствует. Да, образование там есть, но это лишь часть культуры.

- По жизни вы активный, страстный и эмоциональный человек. Вам это помогает или мешает!

- Мне самому трудно судить. Я стараюсь реагировать на все естественным образом. Если что-то меня возмущает, значит, я должен прямо об этом говорить. Такой характер. Но иногда это, конечно, мешает, для других людей кажется непривычным. И не всегда я, наверное, оказываюсь деликатным и тактичным. Однажды я подумал, что каждый день я общаюсь с 60 - 100 людьми. Перебрасываюсь репликой, или диалог, или монолог. Причем каждый день в течение десятилетий. Конечно, здесь есть некий стресс. При этом надо уметь сосредоточиться. Еще Бунин спрашивал у Чехова, как ты там можешь работать, это же такое светлое место - театр. А писателю требуется сосредоточение, которое лучше всего дается в одиночестве. Я привык работать в самолете, в поезде, в коридоре... Нужно многое читать, помнить, нужна живая память, нужны живые реакции. И самое главное - нужно сохранять чувство юмора, легкость. Как только ты становишься усталым, ты становишься тяжеловесным. А в профессии режиссера тяжеловесность, угрюмость - это заклятые враги. Я ничего не могу извлечь из угрюмости. Если возникает какой-то момент депрессии, это самое страшное. В этот момент ты переставешь творить, переставешь придумывать, переставешь быть живым. Поэтому надо уметь и отдыхать, чередовать штурмовщину, без которой в театре трудно сегодня обойтись, и смену пейзажа.

- Отдыхать - это отдыхать от театра!

- Извините, что сам себя процитирую, я однажды сказал, что театр - дело круглосуточное. Я не отдыхаю от театра. Более того, когда я отдыхаю и оказываюсь без

театра, вне театра, меня тут же посещает чувство нарастающей тревоги. Избавиться от этого сложно. Наверное, это качество трудоголика. Мне говорят, что я неугомонный. Мне это смешно. Дело не в неугомонности. Если мгновения жизни, которые тебе отпущены, не заполнены ничем, то у меня возникает ощущение жуткого страха, тревоги. Посещает ощущение ненужности, невостребованности, пустоты, которая на тебя надвигается. Спасение как раз в работе. Хотя я свою работу не ощущаю как работу. Это наслаждение. Я вообще не понимаю, за что в театре платят зарплату. За то удовольствие, которое мы получаем?

- Московское театральное пространство, какое оно! Что интересно вам!

- Сейчас театральная жизнь очень разнообразная. Театр разный, и он разного веса, разных целей. Конечно, меня беспокоит обилие в театре развлекательных спектаклей. Театр должен развлекать, отвлекает, ничего дурного в этом нет. Но главная функция - осуществление гражданской, человеческой позиции. Только развлеку мне самому неинтересно. И публике, думаю, не хочется только развлекаться. Сегодня, к примеру, они смотрят на нашей сцене спектакль «Праведники» по пьесе Альбера Камю, посвященной терроризму, раскрывающей не только идеологему, но и психологию терроризма. Камю интересовался именно русской историей. Я не могу сказать, что зритель развлекается на этом спектакле. Но и удовольствие бывает разное. Здесь он получает удовольствие от феноменального потрясения, которое он испытывает в театре. Ведь наслаждение может быть и от эмоционального сопереживания. Это потрясение в свою очередь рождает и интеллектуальное потрясение. Такой театр мне очень нравится. Я стараюсь строить репертуар, чтобы в нем был и мюзикл, и психологическая драма, и философское, и поэтическое представление, и метафора. Но самое главное, чтобы был Его Величество Актер, Его Высочество Автор. Чтобы было чему сопереживать. Ну а мы, режиссеры... Режиссер не то чтобы обслуживает автора и актеров, но моя задача - это служение смыслу. Найти образ тому смыслу, который я нашел у автора вместе с артистами. Если этот образ, структурный, мощный, коллективный, в театре создается и доходит до зрительного зала, тут и возникает момент нашего удовлетворения, если не сказать громко, счастья.